

УДК 903.23 / 930.26 / 571 / 355/359

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2020.6.279.300>

## КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ): ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВОЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

©2020 г. И.Л. Измайлов

В статье анализируется история изучения, теоретические основания и археологические материалы для реконструкции комплекса вооружения воинов Улуса Джучи (Золотой Орды). В основу анализа материала положены предметы вооружения (оружия ближнего и дистанционного боя, защитное вооружение) и их распределения в значительной выборке погребальных памятников. На примере анализа оружия Улуса Джучи автором доказывается положение, что понятие «комплекс вооружения» является теоретическим конструктом, который является реконструкцией, основанной на системном анализе археологических, письменных и изобразительных источников, для последующего анализа в рамках военной истории и компаративистских исследований.

**Ключевые слова:** вооружение, военная археология, Улус Джучи (Золотая Орда), военное дело, комплекс вооружения, погребальные памятники, история оружия, историография.

## ARMAMENT COMPLEX OF THE ULUS OF JOCHI (THE GOLDEN HORDE): THEORY AND MILITARY ARCHAEOLOGY PRACTICE

I.L. Izmailov

The paper analyzes the study history, theoretical framework and archaeological materials for the reconstruction of an armament complex of Ulus of Jochi (Golden Horde) warriors. The analysis of material is based on armament items (melee and ranged weapons, protective arms) and their distribution across numerous funerary monuments. On the example of an analysis of the Ulus of Jochi weapon, it is substantiated by the author that the "armament complex" concept is a theoretical construct representing a reconstruction based on a system analysis of archaeological, written and graphic sources for subsequent analysis in the framework of military history and comparative studies.

**Keywords:** armament, military archaeology, the Ulus of Jochi (the Golden Horde), military science, armament complex, funerary monuments, weapon history, historiography.

### 1. Анализ комплекса вооружения: историографическая ситуация.

Проблема истории оружия и уровня развития вооружения воинов Улуса Джучи (Золотой Орды) в XIII–XV вв. и различных тюркотатарских государств за последние двести с лишним лет получила определенное освещение в научной литературе и даже стала предметом историографического осмысления (Кушкумбаев, 2011, с. 6–22). Это позволяет остановиться на важнейших узловых моментах, теоретических проблемах и дискуссионных вопросах изучения вооружения и военного дела средневековой империи Джучидов.

Научный интерес к изучению вооружения и военного дела Монгольской империи в целом и Улуса Джучи (Золотой Орды) в частности обозначился с начала XIX в., когда на волне подъема патриотизма в России после Наполеоновских войн возникло желание понять истоки военного могущества империи и найти ее истоки. С примерно такими же целями обращались к этой теме военные историки Запад-

ной Европы. Крупнейшим трудом, который подвел своеобразную черту под пониманием этой темы в мировой науке, стала книга генерал-лейтенанта Генерального штаба России М.И. Иванова, вышедшая в 1875 г. (Иванов, 2003). Вплоть до недавнего времени она оставалась самым серьезным анализом стратегии, тактики, операционного искусства, организации управления войсками и полевого боя не только войск Чингиз-хана и Тамерлана, но и всех азиатских кочевых народов. Оружие и военное снаряжение этого периода изучалось несистемно и спорадически, не формируя общей картины развития вооружения. Более того, европейский ученый мир под воздействием разных факторов, которые были удачно названы «ориентализмом», постепенно стал склоняться к мысли, что армии азиатских государств, массово использовавших конных лучников, не имевших защитного вооружения, добивались побед за счет своей численности. В этой связи проблемы вооружения

воинов Улуса Джучи оказались за пределами анализа оружейников.

В советской исторической науке подобная концепция властно вторгалась в анализ не только военно-исторической реальности средневековой Евразии, но и предметов вооружения. При оценке военных столкновений русских княжеств с татарами всегда неудачи приписывались подавляющей численности врагов, а победы – правильной тактике и мужеству. Само русское оружие заведомо считалось более лучшего качества и совершенных видов. Из оружия татар обычно описывалось лишь стрелковое оружие, а сами их войска, как отряды иррегулярной конницы без защитного вооружения и качественного холодного оружия. Подобный анализ, восходящий к представлениям и предрассудкам начального этапа военно-исторической науки в Европе и России, позднее начал воспроизводиться в советской историографии, порождая массу мифов и симулякров научного анализа вооружения. Причем подобный подход сохраняется изредка в некоторых «заповедниках науки» в разных модификациях и в наше время.

Ситуация стала меняться после фундаментальных трудов Г.А. Федорова-Давыдова об археологических памятниках евроазиатских кочевников X–XIV вв. (Федоров-Давыдов, 1966). Самым важным в этом исследовании, сыгравшем роль поворотного момента в изучении истории и культуры Золотой Орды, стала системность и выразительность источниковедческого материала, включая данные о вооружении. Если разделить изложенный автором материал по эпохам и консолидировать сведения об оружии и воинском снаряжении золотоордынского периода, то получится выразительная картина совершенного и передового для своего времени комплекса вооружения. Хотя сам автор остановился перед таким выводом, но материал свидетельствовал об этом весьма красноречиво. Главное особенностью и недостатком данной работы являлось то, что основные сведения были скрыты в приложении, а типология была достаточно формальной, не позволяющая детально представить динамику развития предметов вооружения. Не ставил автор вопроса о вооружении, как единого комплекса, которое практически выпало из его сопоставительного анализа статистики погребального обряда и инвентаря, доказывая, что оружия настолько мало, что оно не коррелируется с другими находками, как бы подтверждая тем самым,

мысль о небольшом значении качественного вооружения.

Но по мере накопления нового археологического и историко-иллюстративного материала, эти выводы стали корректироваться. Наиболее четко такой подход был сформулирован в трудах М.В. Горелика, в которых он обратился к иранским миниатюрам, где монголо-татар XIV–XVI вв. изображены в виде тяжеловооруженных конных копейщиков с разнообразным оружием, что подтверждал также его системный анализ археологических данных (Gorelik, 1979, p. 30–63; Горелик, 1980; Горелик, 1983; Горелик, 1987; Горелик, 2004, с. 182–195). Не сразу его доводы были приняты (обсуждение дискуссионных проблем см.: Горелик, 1998, с. 266–268). Некоторые археологи пытались поставить его выводы под сомнение, указывая на то, что данные археологии не вполне соответствуют изобразительным источникам (Артемьев, 1989, с. 284–288). Но постепенно его выводы стали подкрепляться все новыми данными из музейных коллекций и развиты в многочисленных трудах археологов, расширявших их источниковедческую базу, дополняя все новыми исследованными погребальными памятниками и находками (см.: Горелик, 2008, с. 139–159; Горелик, 2010, с. 137–145). Фактически к рубежу веков не осталось серьезных сомнений в том, что именно латная кавалерия являлась основным контингентом, решающим исход боя в армии Чингизхана и его потомков. Закономерным, хотя и во многом предварительным итогом исследований М.В. Горелика в этой области стала книга «Армии монголо-татар X–XIV вв.», логично построенная и прекрасно иллюстрированная (Горелик, 2002), а также ряд обобщающих трудов (Измайлов, Горелик, 2009, с. 396–405; Горелик, 2011, с. 47–58). Роль М.В. Горелика в изучении, комплексной характеристике вооружения и военного дела Золотой Орды, в активной научной позиции в отстаивании исторической правды является выдающейся и недооцененной (Измайлов, 2017, с. 240–252).

Огромную роль в формировании представлений о вооружении Золотой Орды и их истоков сыграли труды Ю.С. Худякова (1991; 1997; 2003), который показал контекст появления и развития системы вооружения народов Центральной Азии с древности до раннего Нового времени и доказал, что монгольское вооружение было определенным и закономерным этапом развития всего евразийского оружия и военного снаряжения (см.: Бобров,

Худяков, 2008; Бобров и др., 2010). Важнейшей заслугой Ю.С. Худякова стало системное и комплексное рассмотрение вооружения как целостного явления, имеющего свои истоки и динамику развития в зависимости от развития защитного вооружения, тактики боя и распространения огнестрельного оружия. Основой успеха подобного анализа стало теоретическое обоснование автором концепции комплекса вооружения, включающей в себя полный сбор археологических материалов, его типологизацию, выявление основных параметров развития оружия и боевого снаряжения и сопоставление его с данными письменных источников.

В последние десятилетия комплекс вооружения Улуса Джучи активно изучается по разным направлениям: публикации отдельных комплексов, анализ различных категорий вооружения, а также рассмотрение больших массивов погребальных памятников на предмет изучения социальной дифференциации (например, см.: Евглевский, Потемкина, 2000, с. 117–178; Чхаидзе, Дружинина, 2013, с. 171–178; Потемкина, 2013–2015, с. 66–81). Активизировались исследования военной организации, тактики боя и в целом всего военного дела населения Улуса Джучи (см.: Кушкumbaев, 2009; Измаилов, 2013, с. 253–272). Можно сказать, что изучение вооружения и военного дела Улуса Джучи переживает своеобразный ренессанс, с каждым годом обновляя и расширяя источниковедческую базу и охватывая все новые темы военной археологии и военной истории.

Одновременно с этим наметилась новая тенденция, диссонирующая с общей тенденцией развития золотоордынской военной археологии. Она во многом опирается на старые подходы, сформулированные еще в то время, когда корпус источников был небольшим, а его полноценная комплексная характеристика отсутствовала. В полной мере этот подход был сформулирован в ряде статей Ю.А. Кулешова, в которых автор выдвигает несколько гипотез: о неразвитости железоделательного производства в Улусе Джучи, о пополнении комплекса вооружения воинов Золотой Орды за счет импорта и, соответственно, об отсутствии единого комплекса боевых средств и единой имперской воинской культуры империи Чингиз-хана и его потомков (в наиболее развернутом виде сформулировано: Кулешов, 2014, с. 199–251).

Тезис о том, что металлургия и металлообработка в городах Улуса Джучи была развита слабо, опровергается многочисленными находками металлургических горнов, различных кузнечных инструментов и горными разработками железных руд, в частности в Ульяновском Поволжье, выявленными благодаря трудам Ю.А. Семькина. Находки многочисленных криц, а также шлаков и заготовок при раскопках практически всех городских центров Улуса Джучи от Приднестровья до Поволжья не оставляют сомнений в существовании развитой базы кузнечного производства и металлообработки. Отсутствие находок мастерских с заготовками оружия отнюдь не доказательство отсутствия подобных производств. Например, нам прекрасно известны высококачественные клинки с клеймами каролингских мастерских, но сами кузницы, где мечи производились, не обнаружены. Но из этого не следует делать вывод, что каролингские мечи были откуда-то доставлены с Марса. Точно также нет никаких сомнений в том, что оружие Древней Руси производилось в ее городах за редким исключением, но самих этих оружейных мастерских также не обнаружено. Строго говоря, этот аргумент действует против доводов сторонников импорта и в том смысле, что ни в Италии, ни на Ближнем Востоке, откуда якобы завозилось оружие в Улус Джучи, подобные мастерские не обнаружены.

Аргумент относительно преобладания импортного вооружения в комплексе вооружения Улуса Джучи приходит в противоречие с реальным стилистическим и типологическим единством предметов вооружения. Достаточно указать на такие разные предметы вооружения, как наконечники стрел (см.: Медведев, 1966, с. 50–60; Федоров-Давыдов, 1966, с. 25–29; Худяков, 1991, с. 104–125), стальные шлемы с козырьком, имеющие поразительно типолого-стилистическое единство (Худяков, 2003; Бобров, 2007, с. 267–287; Горелик, 2012, с. 84–108), а также сабли (Федоров-Давыдов, 1966, с. 22–23; Евглевский, Потемкина, 2000, с. 117–178; Горелик, 2004а, с. 86–101; Курмановский, 2014, с. 150–167), среди которых импортных изделий не выявлено. Получается странная картина, когда при постулировании преимущественного наполнения арсеналов привозными изделиями, основные виды оружия ближнего и дальнего боя производились в золотоордынских городах. Но если их производили на месте, то, следовательно,

могли производить и другие виды вооружения, а также трудно объяснить причину массового производства оружия по золотоордынским лекалам в каких-то итальянских или иранских оружейных мастерских.

Но главный вывод, отрицающий развитие золотоордынской панопли, состоит в том, что он отрицает системный характер набора вооружения, обращая внимание, с одной стороны, на отдельные единичные предметы (см.: Кулешов, Абызова, 2011, с. 92–100), а с другой, отрицая истоки формирования комплекса боевых средств и единую динамику его эволюции, на что было указано в дискуссии по этому поводу (Измайлов, 2011а, с. 200–203). Комплекс боевых средств является гибкой системой и изменяется также системно, а не спонтанно за счет каких-то импортов. Например, на Руси было прекрасное оружейное производство, в частности изготовление мечей, но в XIII–XV вв. они перешли на ковку сабель, вытеснивших традиционные мечи. Случилось это не за счет импорта из Золотой Орды, хотя и не без его влияния (еще один аргумент в пользу самостоятельности ордынского вооружения), но также системно вместе с заимствованием других средств маневренной конной войны. В Средние века в отличие от периода Нового времени, когда многочисленные армии требовали массового производства простого оружия, аристократия сражалась привычным оружием, которое было связано с их воинской культурой, костюмом и системой социальных пожалований. Никакое массовое импортное оружие не могло отменить этих статусных и воинских традиций, поскольку в строю латной кавалерии все должны быть снаряжены по единому образцу, чтобы не выпадать из общей линии. В строю латной кавалерии вооружение должно было быть не унифицированным, но единообразным, что и являлось залогом успеха на поле боя. Тот, кто не мог обеспечить соответствующий уровень снаряжения, просто выпадал из рядов аристократии.

Иными словами, преодолеть все эти нестыковки и противоречия гипотезы «импортного» оружия можно только отвергнув достижения современной военной археологии, а поскольку для этого нет никаких оснований, то следует признать, подобные доводы являются дилетантскими наскоками на достижения отечественной науки. Они преследуют цель вернуть военную археологию от стадии системного анали-

за комплекса вооружения к описательству и описанию единичных находок, что является пройденным этапом для золотоордынского оружиеведения.

## **2. Комплекс вооружения: теория и практика.**

Рассмотрение общей историографической ситуации изучения вооружения и военного дела Улуса Джучи явственно показывает, что приоритетом в ее развитии является такая теоретическая категория, как «комплекс вооружения».

Впервые этот концепт на практике применил к древнерусскому материалу А.Н. Кирпичников, который не только проанализировал оружие ближнего боя и защитное вооружение, сопоставив данные археологии с письменными и изобразительными источниками, но и выяснил территориальное и хронологическое распределение оружие, обосновав его функционирование как единого комплекса боевых средств IX–XV вв. (Кирпичников, 1971; Кирпичников, 1976). Эти труды, став эталоном качественного научного подхода к анализу археологического материала, заложили основу методики современного отечественного оружиеведения.

Следует подчеркнуть несколько узловых проблем, определяющих само понимание этой категории. Комплекс вооружения является результатом анализа всех источников относительно вооружения какого-либо общества, политики или эпохи. Она занимает ключевую связующую роль, объединяя выводы, сделанные на основе изучения военной археологии и собственно военной истории. Эти категории имеют не прямую, а диалектическую связь, напоминающую соотношение археологического источника с историческим фактом. Это скорее процедура, построение универсальных образов и проекции, а не прямая иллюстрация. Совершенно понятно, что в археологическом источнике заложена историческая информация, но степень ее полноты и возможность однозначного восприятия в силу искажения или полной утраты тех связей, в которых объективация этих предметов происходила в прошлом. В этом отношении важен не столько разрыв в традиции использования того или иного предмета, который никогда не бывает полным для целого класса или комплекса однородных предметов, сколько узость экспериментальных возможностей исследователя и вероятностный, реконструктивный характер

исторической интерпретации археологического материала (Клейн, 1978, с. 61).

В военной археологии подобным реконструктивным элементом, позволяющим протянуть мостик от набора предметов археологии к истории вооружения и военного дела, выступает комплекс вооружения. Данный элемент является высшим элементом реконструкции, доступным на основе процедур анализа непосредственно предметов, относящихся к сфере компетенции военной археологии. Комплекс вооружения является концентрированной и систематизированной абстракцией, которая от анализа отдельных предметов вооружения и деталей снаряжения, от конкретных типов и форм оружия позволяет перейти к анализу тенденции их развития, использования и модификации в условиях изменения боевой практики. Именно категория комплекса вооружения расположена между конкретной военной археологией и историей военного искусства, созданного на основе изучения письменных источников, в качестве базового элемента для анализа в рамках военно-исторического исследования (см.: Измайлов, 2017, с. 16–22).

Есть несколько ключевых моментов, которые требуют обсуждения в этой связи. Один из актуальных – это иллюзия, весьма распространенная среди археологов, изучающих вооружение тех или иных культур или памятников, что погребальные памятники наиболее точно и релевантно отражают комплекс вооружения. Иными словами, именно находки предметов вооружения из погребений являются прямым отражением набора оружия, которым владел умерший. При всей кажущейся очевидности этот подход имеет два важнейших недостатка. Во-первых, он не учитывает сам процесс «археологизации» оружия и снаряжения. Например, замену реального оружия вотивным или его имитацией (в ножны вкладывается не кинжал, а его деревянная копия), которые до времени вскрытия погребения археологами просто не сохраняются. Металлическое оружие, включая железное, могло просто не сохраниться в силу природных явлений. Во-вторых, он не учитывает, что оружие является лишь частью погребального инвентаря, формирование которого прямо связано с социальным статусом умершего, а не с его отношением к войне. Не говоря уже о том, что мировые религии вообще отрицательно относились к погребению вещей, в частности оружия. Например, о вооружении английского

рыцаря XIII–XIV вв. мы больше информации черпаем из скульптурного надгробия, чем из самого содержимого склепа. Этот вопрос уже подробно рассматривался (Измайлов, 2012, с. 66–85), поэтому можно ограничиться некоторыми наблюдениями и выводами.

В целом сама методика, связывающая напрямую материалы из погребения, является теоретическим нонсенсом, отрывкой советской позитивистской «археологической истории», когда вместо глубокого анализа материала и разработки процедур исследования происходит снижение уровня понимания до банального «здорового смысла». Анализ различных подходов к анализу материала погребальных комплексов не подтверждает гипотезу о прямой зависимости находок оружия от занятий погребенного и тем более о степени вооруженности общества. В значительной степени ископаемая реальность в определенной степени отражает социальный статус умершего, в которых война могла иметь большее или меньшее значение. Гораздо большее влияние на набор инвентаря могли играть не его военные подвиги в реальной жизни, а представления его социума о месте войны в будущей жизни. Прямое отождествление тех или иных погребальных памятников с воинским комплексом требует специального обоснования и серьезной проработки.

Теоретически еще больше вопросов вызывает сопоставление различных источниковедческих баз данных комплексов вооружений. Для регионов или культур, в которых практически весь набор археологического оружия происходит из погребальных памятников, а в большинстве случаев это, как правило, совпадает с тем, что они являются также основными памятниками, например, для скифской, сарматской или различных южносибирских культур, подобных вопросов не возникает. Реконструкция комплекса вооружения получается детальной и сопровождается анализом взаимовстречаемости различных типов и видов вооружения и снаряжения (например, см.: Худяков, 1991; 1997; 2003). Однако по мере развития и усложнения общества и цивилизации оружие, как таковое, постепенно переставало играть роль в погребальных обрядах разных народов и регионов. Например, в римском мире социальный ранг умершего показывали саркофаг или надгробие, а не количество оружия, подобную же картину мы видим и на другом конце света в Центральной Азии в Ноинулинских курганах южных

хунну, где при всем богатстве погребального инвентаря полностью отсутствует оружие.

Еще более значительные изменения в плане географии распределения находок оружия произошли по мере расширения влияния в Старом Свете мировых религий с их развитой системой этики и специфической верой в загробный мир, которая предполагала полное отрешение от мирского и материального мира. Нагляден пример огромной территории, входившей в состав Киевской Руси IX-XI вв. и древнерусских княжеств XI – первой трети XIII в., где распределение оружие на первом этапе в равной мере обеспечено находками предметов вооружения из погребений и поселений, но уже на втором этапе все могильники, содержащие оружие, располагаются на периферии и на границах княжеств, а основной материал происходит из слоев поселений (см.: Кирпичников, 1971). Еще более выразительной эта картина предстает для Руси XIII-XV вв., когда количество находок оружия резко сокращается, а все они происходят из музейных коллекций и слоев поселений (Кирпичников, 1976). Показательно более отчетливая ситуация сложилась в этом смысле при изучении комплекса вооружения Волжской Булгарии X-XIII вв. (Измайлов, 1997).

Ситуация, когда в источниковедческом материале определяющую роль играют предметы вооружения и воинского снаряжения из слоев поселений (включая, выявленные поля сражений) не является уникальной, более того она гораздо более распространенной в мире, особенно в его цивилизованной части. В этой связи анализ этой ситуации требует теоретического осмысления. Если не вдаваться в излишние подробности, следует подчеркнуть, что находки оружия из слоя поселения имеют некоторые принципиальные различия с набором вооружения из погребений. Набор оружия из слоя достаточно случаен, поскольку его происхождение связано с войнами и гибелью поселения, так или иначе оно было потеряно или выброшено за непригодностью. В этой связи, эти находки часто деформированы и имеют другую историю археологизации (пожар, слой разрушения, переотложенный слой и т.д.). Но они иногда включают такие находки предметов вооружения, которые никогда не встречаются в погребениях в силу того, что не имеют военно-социального статуса. Например такие, как детали арбалетов и болты к ним, детали метательных машин, а также различные вспомогательные боевые

средства («хасаки» / «чесноки» – противоконные и противопехотные рогульки). Иными словами, находки оружия из слоя обладают целым рядом несомненных достоинств. Во-первых, они в силу случайности отражают комплекс вооружения более выразительно и разнообразно, без учета различных социальных фильтров. Во-вторых, оружие из слоя разрушения носит следы боевого использования, что достаточно редко встречается в оружии из погребения, которые иногда носят даже вотивный характер. В-третьих, существуют, хотя археологически изучены в исключительных случаях, поля сражений, которые представляют огромный интерес для археологов, поскольку содержат такие находки, которые никогда не встречаются в слоях поселений и даже в погребениях в силу своего высокого воинского статуса и высокой стоимости (доспехи, золоченное оружие и снаряжение и т.д.). Вместе с тем, при всем разнообразии количество находок оружия на квадрат раскопа в поселениях гораздо ниже, чем в погребениях. Все это у некоторых археологов вызывает скепсис в отношении поселенческого оружия и желание игнорировать эти находки, как несущественные.

В отношении оружия Улуса Джучи это тем более неверно, поскольку находок оружия из поселений достаточно много, например, в Укеке, Болгаре, других городищах Поволжья. Они отличаются разнообразием и в совокупности с достаточно высокой степенью отражают весь комплекс боевых средств средневековых татар. Хотя общее их количество в силу вышеуказанных причин уступает находкам из погребений, они в значительной мере коррелируются с ними. Если представить, что в нашем распоряжении бы не было погребального оружия, то даже по находкам из слоев поселений возможно было бы реконструировать комплекс вооружения с высокой адекватностью. В этом смысле скепсис в отношении находок предметов вооружения из поселений ничем не оправдан.

Строго категории «много-мало» не являются археологически верифицируемыми, поскольку для них не существует внятных критериев. Простой пример: количество оружия и защитного доспеха с территории русских княжеств XIII-XV вв. (Кирпичников, 1976) критически мало даже по сравнению с вооружением городов Поволжья, что ни в коем случае не означает, что вооруженность

Руси была ниже, чем части территории Улуса Джучи. Хотя определенные выводы в связи с этим напрашиваются, особенно в отношении снаряжения качественным профессиональным оружием и снаряжением.

Вместе с тем не следует понимать комплекс вооружения, как непосредственное отражение вооружения всех воинов Улуса Джучи. В значительной степени это некая проекция вооруженности всего населения, которая теоретически и в реальности распадалась на множество сочетаний разных форм, видов и типов оружия и воинского снаряжения. В самом общем виде речь идет о том, что набор оружия с самого начала его появления в человеческих сообществах стал носить социально ранжированный характер. Можно даже сказать, что между значением того или иного вида или типа оружия в комплексе вооружения и вероятностью его находки в тех или иных археологических памятниках имеется не прямая, а обратная связь. Специализированное качественное вооружение (мечи, сабли, пики, стальной доспех, боевые кинжалы и булавы), игравшие ведущую роль в решении исхода сражения в Средние века, попадало в погребения гораздо реже, чем массовое вооружение (ножи, луки и стрелы и т. д.). То есть, распространять отдельные находки этого специализированного вооружения на все войско не следует, поскольку сочетание разных форм оружия и снаряжения в средневековом войске явно носило поляризованный характер. На одном полюсе условно располагалось дорогое и качественное оружие, полное защитное вооружение и всадническая экипировка, а с другой – метательное оружие и походно-бытовое универсальное снаряжение. Разумеется, подобное теоретическое обоснование должно опираться и на определенную статистику, в том числе и по возможности, на взаимовстречаемость находок оружия в погребениях.

Однако нельзя преуменьшать значения того или иного вида оружия и в комплексе вооружения на основе низкой встречаемости в погребениях. Как уже сказано выше, могло быть много факторов, которые препятствовали размещению тех или иных видов оружия в погребение. Так, копьё в силу вполне понятных причин (прежде всего размеров древка) не укладывались в погребение и должны были быть сломаны или сняты с древка. Но кроме таких очевидных причин могли быть также причины символического характера – то или

иное оружие выполняло роль символа социального и военного статуса, причем разного. Например, булава могла иметь гораздо более высокий статус, чем сабля в силу ее символа высокого воинского ранга.

Кроме того, все рассуждения о значительном или незначительном распространении того или иного вида и типа оружия и боевого снаряжения должны оцениваться не по распределению в неопределенном количестве погребений, а по месту в комплексе вооружения, который, как выясняется, не тождествен выборке из погребальных комплексов. Сам комплекс вооружения – это не сумма находок из погребений, а вся совокупность сведений о вооружении того или иного социума, включая данные письменных и изобразительных источников, проанализированных с учетом компаративистских исследований. Это тем более важно и даже обязательно, когда мы имеем дело не с безвестным населением, оставившим тот или иной могильник, ту или иную археологическую культуру, а со средневековой евразийской империей. Подходить к анализу комплекса вооружения Улуса Джучи, как к набору погребальных памятников анонимной археологической культуры, возможно. Но явно недостаточно. Без системного и скрупулезного анализа комплекса вооружения как единой системы боевых средств, представленных в разных видах источников, определить, что являлось единичным, а что массовым оружием, очень сложно. Но, поскольку речь идет не об анонимной культуре, а о памятниках, оставленных населением мировой евразийской империи, о которой известно достаточно много, чтобы представлять ее цивилизационный, культурно-исторический и социально-экономический фон, то такой анализ фактически и практически беспредметен, поскольку он возвращает нас в начальный этап археологического изучения Улуса Джучи и его военной археологии, искажая наше современное понимание военно-исторических реалий.

Тем самым ключевым вопросом понимания вооружения как комплекса боевых средств является задача анализа предметов оружия, выявления динамики их развития. После сопоставления набора оружия с данными письменных и изобразительных источников мы можем реконструировать комплекс вооружения, который с помощью сопоставительного анализа с аналогичными военно-социальными системами позволит релевантно

но представить уровень развития вооружения и тактическое использование оружия в бою, воссоздать военное дело средневекового общества.

### **3. Комплекс вооружения Улуса Джучи по материалам археологии.**

Вооружение и военная система Улуса Джучи имела несколько источников формирования. С одной стороны, он складывался на основе принесенных с востока, в основном из Центральной Азии, тюрко-монгольских традиций оружия и снаряжения, а с другой – на развитом ремесленном производстве регионов Восточной Европы и торгово-ремесленных связей с мусульманской Средней Азии и Ближним Востоком. Общий анализ боевых средств воинов золотоордынской эпохи по обобщенным данным военной археологии уже получил определенное освещение (подробнее см.: Горелик, 1980; Худяков, 1991; Горелик, 2002; Горелик, Измайлов, 2009, с. 396–405), что позволяет остановиться на обобщающей их характеристике.

В период и после завоевания Восточной Европы и становления военно-административной и клановой системы здесь стал формироваться новый комплекс вооружения. Особенностью его стало то, что войска Бату, пополняемые за счет завоеванных народов, вступили в прямой контакт с местными военными традициями. Особенностью этой системы являлось то, что местные воинские контингенты, включенные в военную систему Улуса Джучи, явно преобладали. Недаром Рашид ад-Дин прямо указывает на доминирование в войсках Джучи не монгольских, а тюрко-татарских (в первую очередь кыпчакских) контингентов.

После становления Улуса Джучи довольно быстро начинает формироваться городская структура от Приднестровья до Хорезма, где Поволжье играло роль столичного региона и станового хребта. Именно здесь происходит всплеск развития оружейного ремесла, опиравшегося на собственную традицию и воспринимавшего (вольно, по необходимости или даже по принуждению) новую татарскую имперскую военно-служилую культуру. Основными носителями этой традиции являлись представители тюрко-монгольских кланов, которые осуществляли власть в стране и полностью преобразовали прежние родоплеменные объединения. Именно эти кочевники под властью татарских кланов составляли основное скотоводческое население евразий-

ских степей и основу военной силы империи Джучидов.

В отличие от горожан-мусульман они сравнительно долго оставались язычниками (по крайней мере определенная их часть во второй половине XIII – начале XIV в.) и являлись основой военно-служилого сословия – профессиональными военными. В результате мы наблюдаем сложение синкретичного золотоордынского оружейного комплекса (описание этого вооружения см.: Gorelik, 1979; Горелик, 2002).

**Оружие дистанционного боя.** Стрелометание являлось одним из важнейших боевых приемов войск Чингиз-хана и его наследников, что не раз отмечали иностранцы. Например, Марко Поло, почти всю свою молодость поведший в Китае при дворе великого хана Хубилая, специально отмечал, что «всего больше они пускают в дело лук, потому что ловкие стрелки» (Поло, 1990, с. 81).

Лук был основным оружием дальнего боя. Конструктивно это был сложносоставной лук центрально-восточноазиатского, «монгольского» типа, который отличался наличием особых костяных накладок – срединной фронтальной и срединных боковых. Сложносоставные луки, армированные подобными накладками, были довольно мощными и надежными за счет создания узла жесткости в центре и гибкости плеч, в конструкции которых использовался гибкий рог и различные породы дерева. Этот тип лука, судя по археологическим находкам, впервые был создан в степях Центральной Азии, а в Европе появляется в начале XIII в. Наибольшее распространение получил в Улусе Джучи в XIII–XV вв.

Вместе с этим типом лука в Восточной Европе в XIII–XIV вв. широко распространяются наконечники стрел центральноазиатских типов – различные двурогие и секторовидные срезни, кунжутolistные, причем характерных для Центральной Азии очень крупных размеров. В связи с изменением техники стрелометания сокращается число и разнообразие «бронбойных» граненых и долотовидных наконечников, характерных в предшествующее время. К концу XIV в., а на окраинах степи и раньше, размеры наконечников стрел отличались сравнительно меньшими размерами. Постепенно к середине XIV в. количество типов наконечников стрел заметно снижается и наиболее популярными становятся около двух десятков типов универсальных удлинено-треугольных форм. Костяные наконечники



используются не часто и в основном на окраинах Улуса Джучи – на Алтае или на Севере Европы.

Колчаны в Золотой Орде в XIII–XIV вв. в абсолютном большинстве случаев имели вид длинного узкого короба-пенала, в котором стрелы помещены целиком, наконечниками вверх, причем в центральноазиатском варианте с закрытым, расширяющимся кверху приемником, часто с округлым «веерообразным» верхом, с целой системой подвески, в основном из костяных пластинок. Внешняя сторона поверхности этих колчанов была облицована костяными пластинками, богато украшенными гравированными, с подкраской, растительными и зооморфными узорами. В роскошных экземплярах кость в подвеске и облицовке могла заменяться золоченым серебром, а декор костяной облицовки мог быть прорезным, ажурным, с подложкой из золотой фольги (Малиновская, 1974). Данный вид колчана, часто с костяными обкладками, характерный для Центральной Азии, в Улусе Джучи стал преобладающим типом.

В конце XIV – начале XV вв. этот тип колчана начинает вытесняться колчанами в виде подпрямоугольного плоского футляра, в котором стрелы помещены оперением вверх, на половину длины древков. Подобная форма колчанов, характерная в X–XII вв. для киданей, чжурчженей, татар и китайской конницы, также была принесена в Европу монгольскими войсками, и, очевидно, получила здесь широкое развитие (впрочем, как и в других захваченных монголами странах Евразии). Данный тип колчана стал преобладающим в Северной Евразии в XV–XVII вв.

Резными костяными, а также металлическими накладками украшался обычно кожаный налуч. Садачный набор (налуч и колчан) подвешивались к портупейному поясу, который обычно застегивался на крючок. Хотя парадным обычно был клинковый пояс, но известны также парадные образцы стрелкового, садачного пояса. Подобный садачный пояс известен, например, из «Симферопольского клада» был сплошь унизан золотыми, с сердоликовыми вставками, овальными бляшками, бляхи-подвески и концевые пластины (одна – с крючком) сделаны из резного и гравированного золота, окаймляющего сердоликовые вставки, а шайба-приемник крючка отлита из золота в виде рельефной розетки.

**Оружие ближнего боя.** Как и ранее, особую роль среди оружия ближнего боя

играло клинковое оружие, в первую очередь сабли. В комплексе вооружения Улуса Джучи сабля получила наибольшее распространение, постепенно повсеместно и практически полностью вытеснив мечи и палаши. Клинок ордынской сабли по центральноазиатской традиции обычно имел на конце заточку на обушке длиной в 20–30 см и ромбическое в этой части сечение (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 117–178; Курмановский, 2014, с. 150–162). К XIV в. в Прикубанских областях Улуса Джучи конец клинка стали отковывать в виде подромбического в плане выпрямленного острия. Такой клинок получил название «черкесского» и широко распространился вплоть до Средней Азии. Традиционно центральноазиатской деталью золотоордынских клинков была оковка клинка под перекрестием специфической обоймой с языком, охватывающим верх лезвия на 10–15 см. Эта обойма предохраняла указательный палец бойца, охватывавший нижний отросток перекрестия, а также устье ножен, от пореза. Характерным признаком золотоордынских клинков стали доли, иногда парные, прорезавшиеся с обеих сторон клинка вдоль обушка, причем они были смещены относительно долов на другой стороне. Это придавало прочность клинку и облегчало его вес. Современные анализы стали золотоордынских клинков говорят об их высочайшем подчас качестве: их изготавливали из «дамасской» – сварной стали и даже из литого булата. С течением времени золотоордынские сабельные клинки становились все более изогнутыми. Во второй половине XIV в. они приобретают хорошо выраженную елмань – расширение в нижней трети-четверти клинка.

В подавляющем большинстве случаев сабли золотоордынского времени имели крестообразные узкоромбические перекрестия с оттянутыми вниз концами. Характерным признаком ордынских перекрестий является их асимметричность – нижний отросток длиннее верхнего. Позднее, в XIV в. концы крестообразных гард расплющиваются или завершаются декоративными шариками. Этот тип перекрестий сменил все разнообразие домонгольских гард и определял их моду практически до наших дней. Причиной этого стали простота и универсальность подобной защиты руки, способность обеспечить большее разнообразие фехтовальных приемов.

Сабля, как вообще клинковое оружие, являлась оружием профессиональных военных

– служилой знати. Еще Дж. де Плано Карпини, описывая вооружение монголов, писал, что «богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые» (Путешествия, 1957, с. 50). Подобная традиция использования сабель сохранилась и в Улусе Джучи, где «сабли булатные» упоминаются в русских источниках, а также изображаются на миниатюрах, причем сабли абсолютно преобладают над другим клинковым оружием. Сабли служили не только оружием, но и символом знатности и богатства владельца, определителем его принадлежности к татарской знати. Недаром знаком особого почета являлось пожалование ханом драгоценного пояса, на котором подвешивалась сабля. Обычно сабля, как и боевой конь, имела особое «магическое» имя (например, «срубаящая головы сверкающая сабля Токтамышша «Алжасман» из татарского дастана «Идегей»).

Сохранились также детали от ножен, как правило, имевшие по центральноазиатской традиции вид обойм с подвижными кольцами для крепления к поясу. Этот вид крепления к поясу вошел в моду в Восточной Европе с начала XIII в. и в значительной степени обязан центральноазиатской моде. Позднее этот тип крепления ножен стал характерным признаком татарских воинов и стран, находившихся под влиянием их военной моды.

Характерными для снаряжения золотоордынского воина являлись различные боевые ножи с клинками длиной до 40 см. Реже применялись узкие длинные ножи (20–40 см) и прямые кинжалы – оружие с двулезвийным клинком и гардами подобными сабельным (Кулешов, 2015, с. 197–210; Кулешов, Ничепорук, 2012, с. 182–198). Дополнительным или, вероятно, детским оружием являлись кривые короткие сабли (длина до 60 см), крепившиеся к рукояти с помощью штифтов. Среди них есть и экземпляры, переделанные из обломка настоящей сабли.

Древковое наступательное оружие – копьё бытует в Золотой Орде в качестве одного из важнейших видов оружия второго удара. В русских источниках часто отмечалось боевое применение копий татарами, которые «одних мечами рубили, а других на копьё поднимали», или «ударили крепко копьями» и т. д. Эти упоминания, вкупе с изобразительными материалами, в первую очередь персидскими миниатюрами, позволяют предполагать, что копьё использовались конными латника-

ми, применявшими таранный удар и действующими сомкнутыми массами. Типы копий были довольно разнообразны. Применялась, например, излюбленная центральноазиатскими воинами форма с наконечником в виде четырехгранника. Характерно, что в Поволжье наряду с подобными наконечниками встречены также традиционные для Среднего Поволжья узколезвийные граненые пики (Измайлов, Недашковский, 1993, с. 73–74, рис. I, 1, 2). Одновременно здесь же зафиксированы находки широких копий с лавролистным пером и выемкой на лезвии – рогатин. Со второй половины XIV в. во всей «татаромонгольской ойкумене» – от Дуная до Тихого океана и Персидского залива – узколезвийные и граненые типы наконечников постепенно начинают вытесняться другими формами удлиненных копий – вытянуто-листовидными или удлиненно-треугольными, ромбическими в сечении, либо уплощенными с осевым ребром. Подобные наконечники были более универсальными, наносили более обширные ранения, тогда как граненая пика была специально предназначена для пробивания панциря. Однако сосуществование различных типов наконечников копий продолжалось вплоть до начала XV в. Очевидно, эти изменения знаменовали переход от использования копий для таранного удара к многоактному бою с применением копий удлиненно-листовидных типов.

Из ударного оружия ближнего боя довольно широко распространились булавы и кистени, что зафиксировано изобразительными (Gorelik, 1979, p. 30–63; Горелик, 2002, с. 66–67) и письменными (например, Марко Поло: «вооружение у них меч и палица» (Поло, 1990, с. 81)) источниками.

Булавы, имевшие типологическое многообразие в XIII – первой половине XIV в.: с навершиями в виде шара с выступающими боевыми гранями и шипами, в виде многогранников различных конфигураций, начинают в XIV в. все более унифицироваться, вытесняясь боевыми навершиями с семью-восемью концентрически выступающими плоскими гранями – шестоперами или перначами. Чаще всего подобные кистени изготавливались из бронзы и железа, но в XIV–XV вв. подавляющее количество боевых наверший делалось из стальных пластин (Измайлов, Недашковский, 1992, с. 74, рис. I, 4; Галкин, 2007, с. 288–292; Воронцов, 2011, с. 59–62). Характерна находка бронзовой булавы из Болгара с выступающими с трех сторон пирамидальными шипами, а

с четвертой имеющей клювовидный выступ. Этот тип булав продолжает домонгольские традиции, но наличие «клюва» делает их похожими по способу применения на боевые молоты – клевцы. Они применялись для пролома брони за счет веса и боевого острия. Многие экземпляры степных булав имеют удлиненные рукояти – это также центрально-восточноазиатская традиция.

Среди кистеней выделяются бронзовые биконические восьмигранные с и железные шаровидные с неподвижным ушком боевые грузики (Измайлов, Недашковский, 1993, с. 74–75, I, 5). Разнообразии материала, из которого делались навершия кистеней – рог, бронза и железо, характерные для домонгольского периода, также постепенно сменяется применением одного железа. Очевидно, к началу XV в. относится появление кубических стальных кистеней со срезанными углами и с подвижным ушком на штыре, приклепанном к боевой гирьке.

Относительно боевых топоров можно сказать, что на степных территориях Улуса Джучи их боевая роль заметно падает. Постепенно исчезают из обихода и архаичные центральноазиатские топоры с узкими лезвиями и молоткообразными выделенными обушками, и чжурчженские широколезвийные топоры, имевшие и метательную функцию. В предгорьях же и на равнинах северного Кавказа, а также в оседлых регионах Волго-Камья боевое применение топора несколько не уменьшилось. А в Поволжье заметно возрастание престижной, парадной роли боевого топора как знака власти. Здесь начинают изготавливать богато украшенные узорной резьбой топоры, которые с течением времени займут видное место среди памятников прикладного искусства татарского Поволжья. Вообще среди топоров большое значение продолжали играть универсальные походно-боевые топоры с клиновидным, секторовидным и с длинным оттянутым лезвием. Форма их практически не отличалась от рабочих, но вес был вдвое меньше. Применение подобных топориков прямо зафиксировано в письменных источниках как элемент снаряжения татарского воина в походе.

**Защитное вооружение.** Активно развивалось в Улусе Джучи защитное вооружение (Gogelik, 1979, p. 30–63; Горелик, 1983, с. 244–268; Горелик, 1987, с. 163–208; Горелик, 2002; Измайлов, 1988, с. 87–102). В первую очередь это касалось металлических панци-

рей. В XIII–XIV вв. панцири собирались из прямоугольных (иногда с овальным или фестончатым краями) выпуклых пластин с отверстиями по краям. Различаются по величине деталей ламеллярные (собиравшиеся из сравнительно мелких пластин) и ламинарные (из крупных). По способу крепления панцирных пластин панцири делились на пластинчатые, где пластины соединялись между собой с помощью кожаных ремешков; на чешуйчатые, где пластины крепились к матерчатой или кожаной основе заклепками, а между собой ремешками; и куяки (получившими в Европе название «бригандин»), собираемые из большого размера пластин, приклепывавшихся к кожаной или суконной основе и частично между собой. Все типы панцирей состояли из нагрудника и наспинника, соединенных между собой боковинами, длина которых доходила до бедер и пристегивавшихся между собой на боку и плечах. Развитие этих средств защиты в золотоордынское время шло в сторону увеличения их подвижности, непроницаемости и надежности. Характерным элементом доспеха этого времени являются специальные наплечники и длинный подол для защиты бедер с широкими вырезами спереди и сзади для удобной посадки в седле, а также пластинчатые защиты горла и лица.

Вместе с тем письменные источники часто упоминают также кожаные доспехи. Например, Марко Поло, описывая снаряжение татарских воинов, указывает: «а на спине у них панцирь их буйволовою или другой какой кожи, вареной и очень крепкой» (Поло, 1990, с. 81). Скорее всего, конструкция кожаных доспехов была аналогична металлической броне и состояла из тех же пластин, но только сделанных из многослойной кожи.

Полное защитное вооружение, принесенное в Восточную Европу, произвело огромное впечатление на европейцев. Характерно, как автор Галицко-Волынской летописи описывает удивление европейцев, встретившихся на поле боя с войском Даниила Галицкого, полностью снаряженным на «татарский манер»: «Немцы же дивящееся оружью Татарскому ... людье во ярыщех, и бе полков его светлость велика, от оружья блистающа» (ПСРЛ, 2, стлб. 814).

На начальном этапе истории золотоордынского доспеха основную часть его составляли ламеллярные доспехи, собранные из рядов мелких пластин. Но уже во второй половине XIII в. начинает активно использоваться коль-

чуга и кольчужный доспех. В XIV в. иногда, видимо, происходит их совместное использование: кольчуги как нижнего и пластинчатого как верхнего доспехов. Тем не менее кольчуга постепенно вытесняла пластинчатую броню.

Абсолютным новшеством стало изобретение восточных оружейников последних десятилетий XIV в., которые придумали соединять железные пластинки не ремешками, а железными колечками. Очень быстро кольчато-пластинчатый доспех завоевал ведущие позиции на всем Среднем и Ближнем Востоке, в Восточной Европе, где получила название «бехтэр» («наилучший», «совершенный»). Его функциональные свойства – прочность, гибкость, относительная легкость – были непревзойденными, но сложность в изготовлении делала ее достоянием исключительно знатных воинов.

Зато очень распространенным – ввиду простоты изготовления и высоких защитных свойств – стал принесенный монголами доспех, чья основа из мягких материалов была подбита с изнанки железными пластинами. Обычно это были чешуйчатые панцири – куяки, а также прототипы европейских бригадин из крупных стальных пластин.

Также распространились принесенные монголами створчатые кованые наручи, а также и кольчато-пластинчатый набедренник. Кованые створчатые поножи также получили кольчужные соединения. Надо отметить, что именно ордынские изобретения XIV в. послужили сложению полного кольчато-пластинчатого доспеха, распространенного на Ближнем и Среднем Востоке в XV–XVII вв., повлиявшего на развитие доспеха на Руси, в Речи Посполитой и в Венгрии.

Относительно шлемов можно сказать, что здесь традиции, принесенные монголами в Восточную Европу, полностью возобладали. Среди археологических находок мы встречаем обычно шлемы именно с монгольскими признаками – козырьками, шпильями, с увенчанием кольцами для привязывания ленты. Но технически шлемы становились совершеннее: теперь их сваривали из околыша и трехдвух- или даже односоставной тульи. Характерным ордынским признаком была отделка края околыша или соединительных накладок частой насечкой зубилом (Gorelik, 1979; Горелик, 2002; Горелик, 2012, с. 84–108). Уже к середине XIII в. на основе центральноазиатских, местных и ближневосточных традиций формируются новые системы защиты лица

воина. Во-первых, это полумаска с наглазниками и наносником, а во-вторых, забрало в виде маски-личиной. Все известные золотоордынские забрала одного типа – изображают лицо с миндалевидными, окаймленными выпуклыми веками, глазами, с бровями вразлет, приоткрытым, чуть «улыбающимся» ртом, огромным горбатым носом и чаще всего загнутыми вверх остроконечными длинными усами. Иногда отковывалась борода, прикреплялись на шарнирах литые из бронзы уши. Этот тип забрала стал настолько популярен на мусульманском Востоке, что воспроизводился в северо-западном Иране, в восточной Анатолии, на Кавказе в XV–XVI вв.

Воины Золотой Орды полностью восприняли монгольский прутяной щит. В Прикубанье в середине XIII в., с появлением в причерноморско-приазовских владениях Улуса Джучи итальянских колоний, восприняли западноевропейскую систему оковки железом органической основы щитов. Так появились круглые умбоны, крепившиеся к основе наложенными крестообразно полосками железа, чьи концы расплющивались, пробивались, и в отверстия вставлялись заклепки с кольцами, к коим привязывались шнуры или ремешки рукояти. Края умбонов по золотоордынской ремесленной традиции также отделаны зубчатой насечкой. Иногда они дополнялись радиальными оковками из прутьев железа, расплющенных в местах приклепывания к основе. Подобная система укрепляла не только прутяные щиты монгольского типа, но и дощато-кожаные. Надо сказать, что с течением времени подобные прутяные щиты возобладали на всем Востоке – от Тибета до Турции и от Китая до Египта (Горелик, 2004, с. 182–195).

Значительные изменения произошли в XIII в. в экипировке и защитном снаряжении коня. Седло облегчалось, а узда усложнялась за счет использования центральноазиатских элементов – железных деталей. В конском доспехе нашла применение кольчуга (на толстой мягкой подкладке). А с появлением кольчато-пластинчатой брони она стала лучшей защитой боевого спутника знатного татарского батыра. Еще чаще применялся доспех кожаных пластинок и полос, а особенно толстостеганные панцири из мягких материалов. Характерно описание подобного типа вооружения, оставленного Галицко-Волынской летописью: «Немци же дивящееся оружью Татарьскому беша бо кони в личинах, и в коярах кожаных» (ПСРЛ, 2, стлб. 814). Крытые узорными тканя-

ми, обшитые металлическими пластинками, окаймленные бахромой и кистями, такие мягкие доспехи могли украсить коня и весьма знатной особы. Конский доспех всегда включал в себя маску-налобник – «личину». Его изготавливали из кованого железа или твердой кожи. Кожу расписывали, а железо гравировали узорами. Железную маску также могли оклеить узорной кожей. Дополняли убор коня наузы, плюмажи, кисти и металлические подвески узды и сбруи.

Итак, мы видим, что оружие Улуса Джучи, в котором традиции, принесенные монголо-татарами с Востока, наложились на ремесленную и воинскую традицию Восточной Европы, активно развивалось на протяжении XIV–XV вв. и выработало целый ряд оригинальных боевых средств, новых типов оружия и воинского снаряжения, которые получили поистине мировое признание на огромных просторах Азии и Европы, вызвав целый ряд подражаний и заимствований. Все это существовало как единая система боевых средств и защитного снаряжения, которая тем не менее, в силу сословно-социального характера военной организации, несомненно, должна была ранжироваться по статусам внутри войска. Различное распределение набора оружия внутри общего комплекса вооружения – практика весьма характерная для Средневековья, когда социально-сословный ранг, по существу, совпадал с имущественным. Но для того, чтобы понять систему этого распределения по сословным полюсам, необходимо его проанализировать по доступным источникам.

#### **4. Комплекс вооружения Улуса Джучи: рода войск и социальное ранжирование.**

В последнее время было предпринято несколько попыток составить систему распределения различных комплексов защитного вооружения и оружия по погребальным комплексам. Выше уже указывалось, что вполне естественной выглядит попытка понять систему распределения оружия по естественным выборкам археологического материала. Таковыми для периода Улуса Джучи являются погребальные памятники второй половины XIII – конца XIV в. Однако полная и системная характеристика этого материала для его сопоставления с другими массивами источников оказалась довольно трудной для составления и анализа.

Связано это с целым рядом объективных причин. С одной стороны, огромная территория евразийской империи содержит тысячи

погребальных памятников, не все из которых достаточно скрупулезно описаны, многие коллекции разбросаны по десяткам музеев и собраний, далеко не все изданы достаточно полно.

С другой стороны, следует подчеркнуть, что многие регионы Улуса Джучи еще с более раннего времени являлись зонами распространения мировых религий (например, Болгарский улус, Крым, Дербент, Хорезм), а уже с конца XIII в. ислам проникает в среду населения степной части Улуса Джучи. При этом ислам распространяется именно в среде татарской клановой аристократии Сарая. Неудивительно, что уже с этого времени в Волго-Уральском регионе начинают встречаться курганы с погребениями западной ориентировки без всякого инвентаря (Федоров-Давыдов, 1966, с. 161 и сл.). Интересно, что подобные захоронения выявлены не только близ крупных городов, но и степном Заволжье (см.: Кригер, 1984, с. 106, рис. 1, 1–2, 3, 5–6). Вообще подобные погребения составляют незначительный процент от всех курганных погребений в Поволжье (не учитывая городских грунтовых некрополей) – до 5% (в склепах или в склепах под курганами), но особенно много, до 8%, в Южном Приуралье, что свидетельствует, очевидно, о сравнительно позднем проникновении в среду местной знати ислама. При этом следует учитывать, что значительный процент умерших был погребен в простых ямах, из которых более 30% относится к числу безинвентарных, а в 12–20% соблюден обряд кыблы (см.: Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 262–267, 292–297, табл. VII, XII, XVI). Из этого становится ясно, что влияние ислама на кочевое население уже в конце XIII – начале XIV вв. было довольно значительным (Гарустович и др., 1998, с. 272, 276–277), а с конца XIV в. языческие погребения в степях Улуса Джучи практически исчезают, сменяясь мусульманскими. Все это не может не исказить и вносить определенные коррективы во все попытки составить картину распределения вооружения по данным погребальных памятников.

Но, принимая во внимание все подобные допущения и понимая их относительный характер, составление картины распределения оружия по погребениям просто необходимо для выявления общей картины распределения наборов оружия.

Одной из первых попыток подобного рода стала работа Т.М. Потемкиной, в которой

она проанализировала 159 погребений северопрichernоморских и северозападнокавказских степей с находками оружия и защитного доспеха (Потемкина, 2013–2015, с. 66–81), из них 122 погребения датировались XIII–XIV вв. Из этих комплексов 91 (57,2%) сопровождалась находками остова коня, из которых почти 50% – это целая туша или даже 2–3 скелета лошадей. В значительной части этих погребений найдены колчан и стрелы (117 – 79,1%), детали лука (42 – 28,4%), сабля (101 – 68,2%), кинжалы (11), булава (5), топор (4). Из защитного вооружения обнаружены кольчуги (138 погребений, в двух погребениях – по 2, или 7% от 1960 погребений), шлем (83, т. е. 4,2% от общего числа погребений), а в 62 случаях кольчуга вместе со шлемом. По данным автора, в 1960 позднекочевнических погребениях (т. е. X–XIV вв.) полный защитный доспех встречен в 8,1% погребений, тогда как сабли встречаются в два раза чаще (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 120; Потемкина, 2013–2015, с. 67). Чаще всего, погребенный одет в кольчугу (из 91 в 57 случаях (62,6%)), а в 22 случаях у него на голове был шлем.

К сожалению, из этого анализа не совсем понятно распределение вооружения и защитного доспеха именно в золотоордынское время, но, очевидно, что общий процент погребений с защитным вооружением должен колебаться около 8%. При этом следует заметить, что сабли встречаются в два раза чаще, чем защитное вооружение, что должно свидетельствовать о чрезвычайной ценности доспеха (кольчуг и брони) и шлема, даже по сравнению с саблей, которая явно была важнейшим символом принадлежности к военно-служилому сословию.

Другая выборка на материалах могильников степного Предкавказья, в степном Прикубанье, в Ставрополье была предпринята В.Н. Чхаидзе и И.А. Дружининой. Были проанализированы 68 могильников, в которых открыто 158 погребений (Чхаидзе, Дружинина, 2013, с. 171–178), из них в 126 выявлен погребальный инвентарь, из которых в 92 мужских погребениях найден различный набор оружия. Более подробный анализ позволил авторам выделить четыре группы воинских погребений: I (29 погребений – 30,8%) – тяжеловооруженная конница с защитным доспехом (кольчуги, шлемы, наручи, поножи), а также полный набор оружия ближнего и дальнего боя; II (30 – 32%) – конница без защитного вооруже-

ния, но с полным набором рубящего оружия и оружия дальнего боя, III (27 – 28,7%) – легкая конница, вооруженная только луком и стрелами, IV (8 – 8,5%) – легкая конница, вооруженная только саблями (Чхаидзе, Дружинина, 2013, с. 173–174). Это дает основания им полагать, что структура военной организации войска Улуса Джучи состояла из контингентов, в котором тяжело- и средневооруженные конники (группы I и II) составляли в общей сложности 62,8% (Чхаидзе, Дружинина, 2011; Чхаидзе, Дружинина, 2013, с. 173–174).

Не подвергая сомнению вычисления, предлагаемые авторами, следует еще раз подчеркнуть, что никакая подобная статистика не отражает не только структуру войска Улуса Джучи, но и не является релевантным отражением комплекса вооружения золотоордынского периода. Во-первых, подобная статистика сравнительно мала и ограничена территориально, чтобы быть представительной, и могла бы претендовать на общеордынский характер. Во-вторых, средневековое войско, состоящее на 60% из одних рыцарей, – это исторический нонсенс, который не может быть признан релевантным. В-третьих, население Западного Предкавказья уже с эпохи Античности отличалось от соседних территорий повышенной вооруженностью, что вызвано особым образом жизни этих социумов, веками профессионально занимавшихся военным делом, причем не только в пределах этого региона, но и далеко за его пределами. В истории довольно много подобных примеров, чтобы это вызывало много сомнений в существовании подобной практики. Например, курды и турки, выполнявшие роль гулямов на Ближнем Востоке, раджупуты, а позднее сикхи и гуркхи в Индии и за ее пределами. Собственно говоря, черкесы/черкасы также стали синонимом военной гвардии и пограничной стражи как в Египте («черкесские мамлюки»), так и в разных регионах Восточной Европы (см.: Бубенок, 2004, с. 190–268). Иными словами, подобная повышенная вооруженность населения Западного Предкавказья явно свидетельствует не столько о социальной стратификации (даже 30% аристократии – это величина небывалая даже для Японии, а на Кавказе такое количество знати население просто бы не прокормило), сколько об ее отсутствии. Не имеет принципиальной разницы то, что в одних погребениях положены сабли, а в других – сабли и стрелковые наборы, поскольку сабля сама по себе чрезвычайно дорогое

и статусное оружие, превышающее остальной набор оружия и уступающее по ценности только защитному доспеху. Различия в распределении оружия в этих группах могут носить возрастной, статусный, семейно-родовой или другой характер. Гораздо важнее, что в Улусе Джучи выявлен особый регион, который являлся поставщиком профессиональных военных, которые в силу относительной перенаселенности должны были наниматься на воинскую службу, чтобы поддерживать свои родовые сообщества, а при возможности старались накопить средства, чтобы, возвратившись домой, завести семью и вести безбедную жизнь.

Более полную и обширную выборку погребений из степной части Улуса Джучи собрал В.А. Иванов (Иванов, 2020). Хотя автор упорно считает все это население кочевническим и степным, значительная и часто наиболее богатая часть этих погребений происходит из могильников, расположенных близ столичных мегаполисов Улуса Джучи в Нижнем Поволжье, что заставляет считать, что определенная часть аристократии, проживавшая в городах, сохраняла до середины XIV в. прежние поминально-погребальные традиции.

Всего автором было проанализировано 1273 погребальных комплекса, из которых 477 (37,4%) содержали предметы вооружения. Из всего этого количества значительная часть (41,5% от всех погребений с оружием) содержит только один сохранившийся предмет оружия (берестяной колчан, наконечники стрел, сабля, наконечник копья и т. д.). Из остальной массы погребенных выделяется группа погребений со стрелковым набором (стрелы и колчан) (145 – 30%), а также 25 погребений с накладками на лук и стрелами (5,2%), и еще 136 – только с наконечниками стрел (28,5%). Всего эта группа погребений со стрелковыми наборами составляет 306 (64%) погребений. Другая явно выделяющаяся группа – это погребения с защитным доспехом (шлем, доспех) с различным набором метательного оружия (наконечники стрел и детали лука) и оружия ближнего боя (сабли и копья) – 46 (9,6%). А если прибавить к ним погребения со специализированным оружием (сабли, копья, булавы) в разных сочетаниях со стрелковым набором, то получим еще 56 (11,7%) комплексов. Всего эти две выборки составляют 102 (21%) погребения.

Таким образом, до данным В.А. Иванова, на основе довольно представительной выбор-

ки погребений можно выделить значительную группу погребений, которая сопровождалась только стрелковым набором (64%), и группу погребений, содержащую довольно выразительный набор профессионального вооружения, включавшего доспех (около 10%), и еще примерно столько же включавшего отдельные предметы престижного вооружения (сабли, булавы, копья).

### **5. Комплекс вооружения воинов Улуса Джучи: основные выводы.**

Подводя итог анализу комплекса вооружения, как он определяется на основе различных выборок материала из пересекающихся, но не накрадывающихся друг на друга ареалов, собранных и проанализированных разными авторами, получается примерно сходная картина. При всех оговорках на особенность выборки, представленной в трудах разных авторов, ее заведомую неполноту (которая так или иначе никогда не будет максимально полной, в силу того, что мы имеем дело с археологическим материалом) и дискретность, следует признать, что она позволяет выявить определенные закономерности в ранжировании внутри комплекса вооружения. Выделяется два полюса, которые условно можно назвать стратами военно-служилого татарского сословия. На одном значительно большем по количеству воинов сосредоточены в основном конные лучники (60–80%), изредка вооруженные дополнительным оружием (ножи, топоры, копья), а на другом – воины, снаряженные кольчугами и стальными доспехами, шлемами и вооруженные саблями, копьями, булавами, а также имеющие стрелковые наборы (от 10 до 20%). Сколь не условны эти цифры, очевидно, они вполне релевантно отражают общую картину ранжирования внутри комплекса вооружения воинов Улуса Джучи. При этом в общей системе военной организации Улуса Джучи явно выделяется регион Западного Предкавказья, где уровень вооруженности в силу различных демографических и историко-культурных причин, видимо, был явно выше, чем в других регионах. Объясняется, очевидно, особым положением этого региона как поставщика профессиональных воинов – гулямов, мамлюков и черкасов в войска различных правителей Восточной Европы и Ближнего Востока.

Разумеется, следует стремиться к наиболее полному составлению свода материалов о погребальных комплексах эпохи Улуса Джучи в Северной Евразии, но надо отдавать отчет,

что это задача практически невыполнимая, а с другой стороны, даже ее решение не изменит общей картины распределения и ранжирования комплекса вооружения.

Пока представляется, что он был достаточно полный и выразительный, пополнялся главным образом за счет собственного оружейного производства, о чем свидетельствуют предметы престижного вооружения (сабли, копья и булавы), а также передовые образцы защитного вооружения (шлемы, кольчуги, доспехи (куяки – бригандины), позднее заимствованные на Балтике и Западной Европе.

Основной воинский контингент войска Улуса Джучи составляли конные лучники, имевшие, видимо, различные облегченные типы и виды доспехов – кожаные, стеганные или комбинированные, а также вооруженные дополнительным оружием – ножами, топорами и копьями. Можно предположить, что во время крупных военных компаний они могли получать часть вооружения за счет клановой аристократии или казны, не становясь его собственниками. Вполне очевидно, что в войске Улуса Джучи, как и в армиях всех средневековых государств Евразии, подобные контингенты составляли более двух третей от общего состава войска.

Татарское военно-служилое сословие вооружалось за счет своего личного вооружения и имело полный комплект защитных доспехов, включая кольчуги, пластинчатые кюяки, шлемы, наручи и поножи. Вооружены они были тем же стрелковым набором, включавшим луки, возможно, более качественными сложносоставными луками, а также саадачными наборами, включающими колчаны с костяными обкладками, а также набор профессионального оружия – сабли, копья, булавы и кинжалы. Общее количество этих воинов составляло от 10 до 20% войска.

Возможно, кому-то кажется, что численность латной кавалерии должна быть выше, а ее процент в войске – больше. Для подобных скептических рассуждений нет абсолютно никакой почвы. Достаточно взглянуть на численность средневековых европейских армий, мы увидим постоянную практически с каролингского времени до Столетней войны численность рыцарства – 5–10% войска. Только в периоды высочайшей опасности или

напряжения сил общества этот процент мог быть выше. В то время как для Улуса Джучи процент этого степного рыцарства условно показывает значительно более высокое число военно-служилой аристократии, чем было характерно для стран Западной Европы и мусульманского Востока. Как современная армия не может состоять только из одних спецназовцев или летчиков, так и средневековое войско лишь на малую часть состояло из рыцарей.

Однако их господство на полях сражений было подавляющим. Их роль в сражении была даже большей и решающей, судя по свидетельствам современников, чем в современной войне отводится танковым дивизиям. Достаточно вспомнить эпизоды, как сотни рыцарей во время первого крестового похода наносили поражение превосходящим по численности войскам сельджукских султанов (1096–1099 гг.), а полторы тысячи бургундских рыцарей Карла Злого разогнали под Парижем десяти-тысячное крестьянское войско во время Жаке-рии (1358 г.). Сколь не мало было представителей военно-служилого сословия – рыцарей, мамлюков, гулямов – в средневековых войсках именно они решали исход сражения и именно их количество и вооруженность являлись критичными для обороноспособности страны, а ослабление их вело к неизбежным поражениям и гибели государств.

Мастерство полководца в Средние века состояло в том, чтобы измотать силы противника, заставить использовать латную кавалерию, чтобы самим нанести решающий удар своими конными копейщиками, опрокинуть фланги, смять его строй и уничтожить слабо-вооруженных воинов, чтобы в будущем лишить латников помощи и поддержки обученных отрядов конных стрелков. Именно поэтому все части войска были важны и выполняли свои функции на поле боя. Однако решающий вклад в победу всегда вносила тяжеловооруженная кавалерия. Ситуация на полях сражений стала меняться с появлением больших масс обученной и стойкой пехоты, действующей сомкнутым строем, и огнестрельного оружия. Вот тогда наступил момент истины для латной кавалерии Европы и Востока, заставивший ее резко меняться и изменять свой комплекс вооружения (Горелик, 2011, с. 47–58).

#### ЛИТЕРАТУРА

Артемов А.Р. Новые работы о татаро-монгольском вооружении // СА. 1989. № 4. С. 284–288.



*Бобров Л.А.* Шлемы «цзиньского» типа: конструктивные особенности и вопросы эволюции // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность / Отв. ред. И.А. Гилязов, И.Л. Измайлов. Казань: Фэн, 2007. С. 267–287.

*Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2010. 228 с.

*Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

*Бубенок О.Б.* Аланы-Асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). К.: Истина, 2004. 324 с.

*Воронцов И.А.* Предметы ударного вооружения золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 59–62.

*Галкин Л.Л.* Две булавы из городов Улуса Джучи (XIV век) // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность / Отв. ред. И.А. Гилязов, И.Л. Измайлов. Казань: Изд-во «Фэн», 2007. С. 288–292.

*Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.

*Горелик М.В.* Оружие и доспех русских и монголо-татарских воинов конца XIV в. // Вестник АН СССР. 1980. № 8. С. 102–103.

*Горелик М.В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–269.

*Горелик М.В.* Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред. А.П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.

*Горелик М.В.* Спорные вопросы истории средневекового оружия Евразии // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 266–268.

*Горелик М.В.* Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: Восточный горизонт, 2002. 84 с.

*Горелик М.В.* Об одной разновидности евразийских клинков эпохи развитого средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 2004. С. 86–101.

*Горелик М.В.* Халха – калкан (монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Культурные традиции Евразии. Вып. 4. / Под ред. А. А. Бурханова. Казань: Фэн, 2004. С. 182–195.

*Горелик М.В.* Золотоордынские латники Прикубанья // МИАСК. Вып. 9 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: ЦАИ АГПИ, 2008. С. 139–159.

*Горелик М.В.* Золотоордынские латники Восточного Приазовья (по материалам В.Н. Чхайдзе и И.А. Дружининой) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. № 1. С. 137–145.

*Горелик М.В.* Монгольская латная конница и её судьба в исторической перспективе // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 47–58.

*Горелик М.В.* Парадные монгольские шлемы XIII–XIV вв. // Военное дело Улуса Джучи и его наследников / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 84–108.

*Горелик М.В., Измайлов И.Л.* Военное дело Улуса Джучи. Вооружение // История татар с древнейших времен в семи томах Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 396–405.

*Евглевский А.В., Потемкина Т.М.* Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Гл. ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 117–179.

*Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб.; АО «Славия», 2003. 336 с.

*Иванов В.А.* Археология комплексов вооружения кочевников Улуса Джучи (Золотой Орды). // Археология Евразийских степей. 2020. №6. С. 253–278.

*Измайлов И.Л.* Из истории домонгольского и раннезолотоордынского защитного доспеха волжских болгар // Волжская Булгария и монгольское нашествие / сост. И.Л. Измайлов. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 87–102.

*Измайлов И.Л.* Военное дело Улуса Джучи. Организация войска. Военное искусство // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 409–431. *Измайлов И.Л.* История сложносоставного лука населения Среднего Поволжья (середина VIII–XIV вв.) // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2011. С. 56–72.

*Измайлов И.Л.* Комплекс вооружения Улуса Джучи: от стрелы до пушек // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 200–203.

*Измайлов И.Л.* Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 66–85.

*Измайлов И.Л.* Военное искусство Улуса Джучи во второй половине XIV - начало XV в. // От Онона к Темзе. Чингисиды и их соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. / Ред.-сост. В.П. Степаненко, А.Г. Юрченко. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 253–272.

*Измайлов И.Л.* Вооружение Улуса Джучи (Золотой Орды) XIII–XIV вв. в контексте истории оружия Евразии: проблемы изучения // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 141–145.

*Измайлов И.Л.* Военная археология народов Евразии: к вопросу о содержании понятия // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 16–22.

*Измайлов И.Л.* Вклад М.В. Горелика в развитие отечественной военной археологии // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 240–252.

*Измайлов И.Л., Недашковский Л.Ф.* Находки предметов вооружения с территории золотоордынского города Укека из музеев Казани и Саратова // Из истории Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фонд им. М. Султангалиева», 1993. С. 72–86.

*Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 138 с.

*Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. III. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971. 117 с.

*Клейн Л.С.* Археологический источник. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 119 с.

*Кригер В.А.* Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа: Гилем, 1984. С. 102–116.

*Кулешов Ю.А.* Оборот оружия в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7. С. 199–251.

*Кулешов Ю.А.* Об одной разновидности золотоордынских боевых ножей // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 197–210.

*Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н.* Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 92–100.

*Кулешов Ю.А., Ничепорук А.А.* Находка уникального кинжала из могильника Жукова (к вопросу о «гражданском» оружии в Золотой Орде) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 182–198.

*Курмановский В.С.* Сабли из позднесредневековых погребений Кубанской области в собрании отдела археологии ГИМ // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья / сост.: И. Г. Бурцев. Тула: Куликово поле, 2014. С. 150–162.

*Кушкумбаев А.К.* Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Кокшетау: Келешек-2030, 2009. 170 с.

*Кушкумбаев А.К.* Историография истории военного дела кочевников Улуса Джучи // Военное дело Золотой Орды. Проблемы и перспективы изучения / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 6–22.

Кушкумбаев А.К. Комплекс ударного оружия (палицы, булавы, кистени) воинов Улуса Джучи // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 199–219.

Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века / Отв. ред.: А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 132–175.

Медведев А.Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. 1966. №2. С. 50–60.

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Восточная лит-ра, 1962, 938 стб.

Поло М. Книга Марко Поло. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1990. 352 с.

Потемкина Т.М. Этнокультурный контекст восточноевропейских позднекочевнических погребений с защитным доспехом // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2013–2015. № 6. С. 66–81.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2003. 202 с.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Военная организация кочевников степей Предкавказья в XII–XIV веках // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 127–129.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // Поволжская археология. 2013. №2(4). С. 171–178.

Gorilik M.V. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour. London, 1979. P. 30–63.

### Информация об авторе:

**Измайлов Искандер Лерунович**, доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

### REFERENCES

- Artem'ev, A. R. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 284–288 (in Russian).
- Bobrov, L. A. 2007. In Giliazov, I. A., Izmailov, I. L. (eds.). *Istoriia i kul'tura ulusa Dzhuchi (History and Culture of the Ulus of Jochi)*. Kazan: "Fan" publ., 267–287 (in Russian).
- Bobrov, L. A., Borisenko, A. Yu., Khudyakov, Yu. S. 2010. *Vzaimodeistvie tyurkskikh i mongol'skikh narodov s russkimi v Sibiri v voennom dele v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremia (Interactions of the Turkic and Mongolian Peoples with the Russians in Siberia in the Field of Military Art in the Late Middle Ages and Modern Time)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).
- Bobrov, L. A., Khudyakov, Yu. S. 2008. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.). (Armament and Tactics of the Central Asian and South Siberian Nomads in the Late Middle Ages and the Early Modern Time (15th - first half of 18th cc.))*. Saint Petersburg: Faculty of Filology, Saint Petersburg State University (in Russian).
- Bubenok, O. B. 2004. *Alany-Asy v Zolotoi Orde (XIII–XV vv.). (Alans-Asi in the Golden Horde (13th-15th cc.))*. Kiev: "Istina" Publ. (in Russian).
- Vorontsov, I. A. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 59–62 (in Russian).

- Galkin, L. L. 2007. In Giliyazov, I. A., Izmailov, I. L. (eds.). *Istoriia i kul'tura ulusa Dzhuchi (History and Culture of the Ulus of Jochi)*. Kazan: "Fan" publ., 288–292 (in Russian).
- Garustovich G.N., Rakushin A.I., Iaminov A.F. 1998. *Srednevekovye kochevniki Povolzh'ia (kontsa IX – nachala XV veka) (Medieval Nomads of the Volga Region (Late 9th - Early 15th Centuries))*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
- Gorelik, M. V. 1980. In *Vestnik AN SSSR (Bulletin of Academy of Sciences of the USSR)* 8. 102–103 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 1983. In Rybakov, B. A. (ed.). *Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashey Rodiny (The Battle of Kulikovo in the History and Culture of our Country)*. Moscow: Moscow State University Publ., 244–269 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 1987. In Derevyanko, A. P., Natsagdorzh, Sh. (eds.). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 163–208 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 1998. In *Voennaia arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspektive (Military Archaeology. Armament and Military Art in the Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 266–268 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2002. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie (Armies of the Mongol-Tatars in the 10th – 14th cc. Military Arts, Equipment and Armament)*. Moscow: "Vostochnii gorizont" Publ. (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2004. In *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentralnoi Azii (Military Art of the Peoples of Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 86–101 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2004. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Vostok-Zapad: dialog kul'tur i tsivilizatsii Evrazii (West and East: Dialogue of Cultures and Civilizations of Eurasia)* 4. Kazan: "Fan" Publ., 182–195 (in Russian).
- Gorelik M. V. 2010. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii (Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia)*. (1), 137–145 (in Russian).
- Gorelik M. V. 2010. In Narozhnyi, E. I. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus)* 9. Armavir: Archaeological Research Centre of Armavir State Pedagogical Institute, 139–159 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects)*. Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 47–58 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2012. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov (Military Art of the Ulus of Jochi and its Heirs)*. Astana: "Foliant" Publ., 84–108 (in Russian).
- Gorelik, M. V., Izmailov, I. L. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 396–405 (in Russian).
- Evglevskii, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 117–179 (in Russian).
- Ivanin, M. I. 2003. *O voennom iskusstve i zavoevaniakh mongolo-tatar i sredneaziatskikh narodov pri Chingiskhane i Tamerlane (The Military Art and Conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian Peoples under Genghis Khan and Tamerlane)*. Saint Petersburg: "Slaviia" (in Russian).
- Ivanov, V. A. 2020. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian steppes)* 6, 253–278 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 1988. In Izmailov, I. L. (comp.). *Volzhskaia Bulgariia i mongolskoe nashestvie (Volga Bulgaria and the Mongol Invasion)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 87–102 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 240–252 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 16–22 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 409–431 (in Russian).

- Izmailov, I. L. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Forum «Idel'-Altai»* ("Idel'-Altai" Forum). Kazan, 56–72 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia* (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects). Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 200–203 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2012. In *Povolzhskaya arkhologiya* (Volga River Region Archaeology) (2), 66–85 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2013. In Stepanenko, V. P., Iurchenko A.G. (eds.). *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ikh sosedi. K 70-letiiu Marka Grigor'evicha Kramarovskogo* (From the Onon to the Thames. Chingissids and their Neighbours. Dedicated to the 70th Anniversary of Mark Grigorievich Kramarovsky). Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ., 253–272 (in Russian).
- Izmailov, I. L. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkhologii evraziiskikh stepei "Mezhdru Vostokom i Zapadnom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii"* (Proceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires"). Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 141–145 (in Russian).
- Izmailov, I. L., Nedashkovskii, L. F. 1993. In *Iz istorii Zolotoi Ordy* (From the History of the Golden Horde). Kazan: M. Sultangaliev Foundation, 72–86 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1976. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv* (Military Arts of Rus in the 13th–15th cc.). Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1971. *Drevnerusskoe oruzhie* (Early Russian Weapons) 3. *Dospekh, kompleks boevykh sredstv IX – XIII vv.* (Armor, Military Equipment Complex of the 9th–13th cc.). Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Klein, L. S. 1978. *Arkheologicheskii istochnik* (Archaeological Source). Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- Kruger, V. A. 1984. In Ivanov, V. A. (ed.). *Pamiatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* (Monuments of nomads of the Southern Urals). Ufa: "Gilem" Publ., 102–116 (in Russian).
- Kuleshov, Ya. A. 2015. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia* (The Golden Horde civilization) 8, 197–210 (in Russian).
- Kuleshov, Ya. A. 2014. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia* (The Golden Horde civilization) 7, 199–251 (in Russian).
- Kuleshov, Ya. A., Abyzova, E. N., 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia* (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects). Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 92–100 (in Russian).
- Kuleshov, Yu. A., Nicheporuk, A. A. 2012. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* (Military Affairs of Ulus of Jochi and its Heirs). Astana: "Foliant" Publ., 182–198 (in Russian).
- Kushkumbaev, A. K. 2009. *Institut oblavnykh okhot i voennoe delo kochevnikov Tsentral'noi Azii* (The Institute of Battles and Warfare of Central Asian Nomads). Kokshetau: "Keshelek-2030" Publ. (in Russian).
- Kushkumbaev, A. K. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy. Problemy i perspektivy izucheniia* (Military Affairs of the Golden Horde. Study Issues and Prospects). Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 6–22 (in Russian).
- Kushkumbaev, A. K. 2012. In Kushkumbaev, A. K. (ed.). *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* (Military Affairs of the Ulus of Jochi and its Heirs). Astana: "Foliant" Publ., 199–219 (in Russian).
- Kurmanovsky, V. S. 2014. In Burtsev, I. G. (ed.). *Voinskie traditsii v arkhologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ia* (Military Traditions in an Archaeological Context: From Late La Tène to Late Middle Ages). Tula: "Kulekovo pole" Publ., 150–162 (in Russian).
- Malinovskaya, N. V. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka* (Towns of the Volga Region in the Middle Ages). Moscow: "Nauka" Publ., 132–175 (in Russian).
- Medvedev, A. F. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (2), 50–60 (in Russian).
- Ipat'evskaia letopis. (Ipatiev Chronicle). 1962. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei* (Complete Collection of Russian Chronicles) IX. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
1990. *Kniga Marko Polo* (Book of Marco Polo). Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Potemkina, T. M. 2013-2015. In *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii* (Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia). (6), 66–81 (in Russian).

Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts). 1957. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1991. *Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya (Armament of Central Asian Nomads in the Early and Developed Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1997. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsenral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ia (Armament of the Nomads of South Siberia and Central Asia in the Developed Middle Ages)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 2003. *Zashchitnoe vooruzhenie nomadov Tsentral'noi Azii (Protective Weapons of the Central Asian Nomads)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

Chaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2011. In Vasiliev, D. V., Zelenev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 127–129.

Chaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 171–178 (in Russian).

Gorilik, M. V. 1979. In Elgood, R. (ed.). *Islamic Arms and Armour*. London., 30–63.

#### **About the Author:**

**Izmailov Iskander L.** Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2020 г.  
Статья принята к публикации 01.09.2020 г.